

Влад Волков

Иные

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
В67

Волков В.

Иные / Волков В. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. —
116 с.

ISBN 978-5-532-93111-4

Детектив полиции Лондона обнаруживает несколько обескровленных тел с отметинами на шее и двигается по следу неизвестного убийцы, отрицая возможность, что в этом деле может быть замешана мистика.

ISBN 978-5-532-93111-4

© Волков В., текст, 2021
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

– Взгляните, детектив, – подозвал меня правее от тела констебль Рид, самый молодой из присутствовавших здесь офицеров полиции.

Я зашагал в его сторону, глядя, как у мальчонки аж колени трясутся от вида всего, что здесь произошло этой ночью. Да уж, зрелище не из лучших, но я, признаться, видал и не такое. А вот он... Ну, сколько ему? Слегка за двадцать, почти ещё курсант, куда ему на изуродованные трупы смотреть? Переводил бы детишек через дорогу, следил за порядками в Клапхэм Коммон или ещё каком парке.

Мне было его искренне жаль. Какие впечатления у молодого парня останутся от вот этого всего? Ещё ночными кошмарами мучиться будет, бедолага. Если где-то нашли тело, то пусть на такой адрес выезжают ребята бывалые и с крепкими нервами, закалённые полицейской работой, а не такие юнцы.

Там же, куда он меня подозвал, валялась горстка альбомных листов, выскочивших из створок тёмно-коричневой папки. Немного промокшие из-за тумана и утренней росы, однако сейчас уже подсыхающие на солнце, принимающие соответственный вид покоробленной и искорёженной бумаги.

Он протянул к ним свою руку, чтобы взять и рассмотреть, но я оборвал его прежде, чем кончики пальцев его правой кисти успели прикоснуться к белым, исчерченным чёрной и синей тушью, листам. Кажется, там были ещё вкрапления красной ручки на какие-то особые места или слова, или даже какие-то не шибко мне понятные символы.

– Не трогай, там могут быть отпечатки. Собери в пакет, как вещдок, в участке разберёмся, – посоветовал я ему, и он полез за пинцетом.

Я же, ещё немного поразглядывав эту папку и валявшуюся исчерченную от руки бумагу, перешёл узкую кладбищенскую дорожку, вымощенную камнем, и вернулся к лежащему на траве телу неизвестного мужчины.

Его вид за время моего отсутствия ничуть не изменился. Жутко исхудавшее тело, где посиневшая и даже позеленевшая кожа буквально облепляла кости, плотно к ним прилегая. Он вываливался

из собственной одежды, словно она была на несколько размеров больше, глаза глубоко впали, демонстрируя очертания черепа, а в том, что когда-то было правым ухом, красовалась золотая серьга в виде звезды.

Удивительное дело, кто бы с ним такое не сотворил, драгоценности он не забрал, так что убийство было отнюдь не ради денег. На исхудавших костлявых пальцах имелись ещё более впечатляющие кольца и перстни, в карманах пиджака были обнаружены деньги, пара тканей, похожие на носовые платки, хотя насчёт квадрата ярко-красного бархата я не был бы так уверен, а также карманные часы, которые тоже никто не тронул и не забрал.

Торчавшие из утончившихся губ зубы были покрыты липкой слюной, в которой копошились вылезшие из травы жучки. Гадкое зрелище, надо признать. Весь его вид был таким, отпугивающим, зловещим, не вызывающим желания приблизиться.

Однако это тощее тело отнюдь не выглядело так, словно жертву морили голодом. Кожа, обхватившая заоченевший труп, не только плотно к нему прилегала, но и местами была в сильных складках, что явно давало нам понять — этот тип умер не от нехватки пищи, а его буквально высосали.

Кто-то выкачал и слил из тела всю кровь. Бедняга валялся на боку и был одет в деловой костюм, так что, требовалось хорошенько осмотреть тело на столе морга уже экспертами, чтобы обнаружить, кто и как умудрился обескровить несчастного. Из наружных повреждений виднелось лишь потенциальное место убийства — две небольшие отметины на шее, словно его туда дважды кольнули шилом или, может быть, даже какой-нибудь маленькой и острой отвёрткой.

Я видал подобные раны, так что смею предполагать, однако обычно они наносились людям в грудь или чуть ниже плеча. Впрочем, случай с уколом в горло тоже имел место быть в моей практике. Там убийце хватило одного удара, здесь же потребовалось, как минимум, два.

Одежда и складки кожи говорили о том, что при жизни этот человек был вполне рослым и крупным, так что не удивительно, что

чтобы его завалить кому-то потребовалось нанести более одного точного удара. Либо первый из них попросту не попал в нужную артерию или куда там. Вокруг нет характерной лужи крови, даже следов на одежде возле ран не наблюдаю. Всё весьма аккуратно выкачали... Прочту отчёт патологоанатома потом, как тот осмотрит труп, он мне всё и объяснит, что здесь к чему.

Меня сейчас волновали не причина смерти и способ умерщвления, не орудие убийства и даже не следы борьбы на месте преступления, а какие-нибудь более существенные улики, которые бы пролили свет на личность убийцы. Однако рядом в траве и на кладбищенской земле ничего такого не обнаружилось.

Узнаем кто он, выясним, что там по алиби у всех его знакомых и недоброжелателей. Я повелел ребятам разойтись по всей территории кладбища, может, где отыщется какая-нибудь зацепка. Пока что, кроме той стопки бумаг, никаких вещей здесь рядом не обнаружил ни я, ни мои офицеры.

Понятное дело, что тут может быть целая уйма ложных объектов. Это ж, в конце концов, кладбище. Сколько людей здесь бывает, приносят что-то на могилы, за что-нибудь цепляются, тут большая часть оград с остроконечными пиками, видать от вандалов, в общем, оставляют люди ниточки от своих костюмов на цепких деталях металлических заграждений или маленьких торчащих щепках деревянных лавочек.

Что уж говорить о возможных следах на земле в самых разных концах этого места. Да уж, дело предстояло не из лёгких. И даже связать особо не с чем. Вот сколько я за карьеру всего повидал, а чтобы из человека выкачали всю кровь – такого ещё здесь не случалось.

Надо, конечно, поднять архивы, позвонить коллегам в соседние области, не было ли там похожих происшествий. Что ж это за маньяк такой, зачем ему кровь, и что вообще здесь вчера ночью творилось на кладбище? В человеке вот сколько? Литров пять? С учётом, что перед нами господин весьма тучный, в таком, может, даже и больше. Сколько ж часов его так высасывали?

Этот бедолага – кто он? Он сюда зачем-то приходил, или это убийца привёз его и притащил на это место? Надеюсь, во внутрен-

них карманах отыщутся какие-нибудь документы. К нему и прикасаться-то здесь все боятся, не то, что хорошенько обыскать.

– Свечи, детектив, взгляните, – подозвал меня Доррет, сидящий на корточках неподалёку от ближайшей довольно старой могильной плиты, покрытой нитями подрагивавшей паутины.

Это место не представляло собой саму могилу, плита сейчас была к нам как бы спиной, то есть констебль, я и лежащее тело были на территории за всеми ограждениями и заборчиками, так что это даже не выглядело, будто бы он навещал кого-то из родственников.

Однако же здесь, внизу под плитой валялись круглые огарки маленьких декоративных свечек. Таких плоских и круглых, которые обычно недолго горят. Чаще даже ароматических.

– На воске также могут сохраниться отпечатки, так что не прикасайтесь руками, – посоветовал я, хотя на самом деле эти свечи, скорее всего, парафиновые, что сути просьбы, замечу, никак не меняет.

Их тоже вскоре упаковали в пакетики, а двое самых смелых приблизились к трупу за моей спиной и, прикрыв рты платками, чтобы не вдыхать этот смрад разложения, осматривали истощённое тело, выглядывавшее из рукавов и ворота пиджака, словно маленькая креветка из несоразмерной для себя ракушки.

– Отметины на шее, – проговорил один из них, – Это, что? Укус?

– Не говори глупостей, – бросил я ему, – Ты взгляни на точки, на их диаметр. Это нож для колки льда или шило. В крайнем случае, острая крестовая отвёртка, – жестикулировал я пальцами, пытаюсь подобрать варианты.

Крестовая, потому как её кончик у большинства представителей куда лучше работает в качестве иглы, нежели плоская прямошпильная. Та бы оставила, скорее всего, характерный порез, трещину в обе стороны от дыры, и отметины бы, как мне говорит опыт, имели бы раз вид разрезов, выглядели бы маленькими чёрточками, а не круглыми точками.

Здесь же всё походило на укол шилом или подобным инструментом. Для крупного шприца отметины всё равно были слишком широкими, как мне казалось, однако сам факт выкачивания крови говорил о том, что именно со шприцами мог иметь дело здешний убийца.

Впрочем, скорее всего, задействован был какой-то насос. В любом случае принцип забора крови был именно таким, если допустить, что в шею этого человека не просто убили чем-то острым, а ещё именно отсюда и выкачивали из него жидкости. Хотя, опять-таки, сначала требовалось заключение специалистов после полного осмотра тела, нет ли ещё каких отметин и порезов.

Не уверен, что через шейные артерии можно прямо-таки выкачать из организма всю кровь, но, кто знает, какими насосами пользовался маньяк, подключая их к крупным шприцам или иглам. Это ж около пяти литров, их надо не просто изъять, но ещё и куда-то слить, поместить в сосуды, увезти с собой...

Самое интересное, повторюсь, что следов этой самой крови вокруг нигде нет. Это меня тревожит сильнее всего сейчас. Не отпускает прям. Будто ни капли не пролилось, разве ж такое возможно? Да даже воротник должен бы быть запачкан, если его убивали шилом или чем-то острым в шею. Оттуда ж так хлестать должно было!

Неужто замыл? Почему мы ничего не обнаружили? Продолжаем осмотр места, однако безрезультатно в этом плане. На траве, на земле, на каменной плитке дорожек рядом – нигде никаких кровавых следов, разводов или засохших капель.

– Доррет, Лойз, вчера дождя точно никакого ведь не было? – уточнил я о погоде у двоих ближайших к себе констеблей, первый из которых как раз закончил собирать огарки свечей и прошёл мимо меня уже в направлении лежавшего тела.

– Нет, сэр, только очень густой туман, – отозвался мне один из них.

– Пожалуй, даже слишком густой, совсем непроглядный, – добавил второй, что нёс улики.

Туман – это, конечно, влага, но едва ли достаточная, чтобы вместе с утренней росой вот так смыть какие-либо кровавые следы. Я ещё раз посмотрел на свечки в пакетике, кольца и звездовидную серьгу, вспомнил те бумаги с рисунками и знаками, которые тоже уже были убраны в пакет...

– Маккей, ты ж у нас по всяким гороскопам, там вчера никакого «особого дня» или ночи не наблюдалось? Тут мог проводиться

какой-то ритуал. Может там, не знаю, парад планет, луна в Козероге, День Рождения у князя тьмы? Никакой интересной даты? – окликнул я рослого не слишком плечистого парня.

Кирк Маккей у нас всегда отличался склонностью верить в приметы, предсказания из журналов, особенности знаков зодиака и прочую паранормальную ерунду. Не знаю уж, как с верой приведения или снежного человека, но свой гороскоп он явно читал каждый день и даже старался следовать написанным советам.

Естественно, сам я не верю в религиозную дичь или какую-то мистику, для меня поклонение тёмным силам и ритуалы – это лишь очередные мотивы к преступлениям. Похищения, убийства, ритуальные жертвоприношения... Жуть, да и только, а мне приходится ловить всех таких мерзавцев. Теперь, правда, вероятно, сам сатанист стал чьей-то жертвой, но мне неплохо бы выяснить, чьей именно.

– Кажется, нет, сэр, – задумчиво ответил он мне, – но я всё уже уточню, поищу что-нибудь и о дате, и о фазах луны вчерашней ночью.

Очень исполнительный и я бы даже сказал дотошный тип. Сам себя он так и называет, мол «типичный козерог» – пунктуален, трудолюбив, вьедлив до мелочей, работает за троих. Чернобрый худой, с большими карими глазами и ультракороткой стрижкой. Для работы «в поле» кандидат не лучший, не каждого мужлана задержать способен, а вот, как помощник в полицейском офисе – работник прямо-таки незаменимый. Всё подскажет, всё сделает, всегда готов помочь.

– Да уж, будь любезен, а то я всё понять не могу, что жертва здесь забыла в ночное время. Свидетелей разыскали, джентльмены? Нашли что-нибудь? – спросил я у пары офицеров, обходивших периметр кладбища и сейчас как раз вернувшихся сюда, подошедших ко мне и лежащему телу.

– Следов и зацепок никаких, сэр, – прозвучал ответ рослого уса-того парня.

– Ни крови, ни отпечатков ботинок на грязи где-либо за оградой, вероятно убийца шагал по каменным дорожкам. Есть кладбищенский сторож, старик, он-то нас с утра и вызвал, но говорить он

отказывается, — сообщил мне второй, внешне постарше, с тонкими линиями усиков под тонким носом и двухдневной щетиной на подбородке.

— Отказывается?! Это ещё почему? — возмутился я, — То есть он — свидетель? Он всё видел?

— Мы точно не знаем, сэр. Он сказал «Ничего я вам не скажу, всё равно не поверите» и закрылся в сторожке, — был раздосадованный ответ, — Мы даже стучались.

— Ага, и в окно тоже, — добавил второй.

— Ведите-ка к нему, а здесь постарайтесь никто ничего не трогать. Но если кто-то в перчатках аккуратно обыщет карманы жертвы и найти хоть что-то полезное кроме носовых платков, получит от меня персональную благодарность, — бросил я остальным, чтобы не ленились делать свою работу и не боялись вида мертвецов.

С чего вообще бояться мёртвых? Они ведь уже покойники, не могут причинить вреда, остановить тебя от обыска, напасть. Они же трупы, им уже всё равно, что будут вытворять с их телом. Хотя в данном случае, буду откровенен, не завидую я тем людям в морге, которым предстоит обследовать это. Как у него можно вообще будет вскрытие провести? Лучше об этом даже не думать и ничего у себя в голове не представлять.

Сторожка располагалась в старой части кладбища, так что вскоре комфортные дорожки под ногами обратились в тропинки, петляющие среди заброшенных и неухоженных могил. Прошлогодня листва, обилие паутины, обломки сухих веточек — да уж, тут давненько никто не ходил и не прибирался.

Обязанности дворника, очевидно, в обязанности сторожа не входили, но при этом никакого уборщика сюда тоже не нанимали. Хотя, может, я и не прав, и это касается лишь старой части кладбища, ведь основная не выглядит настолько заросшей и заброшенной.

Здание само по себе тоже выглядело неважно, как и всё вокруг. Стареющие, иссыхающие и умирающие деревья впивались длинными и тонкими пальцами своих костлявых веток в давно прогнившую крышу. Ржавые металлические листы сползали лохмотьями с деревянных балок, однако под ними виднелось ещё одно гори-

зонтальное перекрытие, отделявшее миниатюрный чердак от, собственно, жилища сторожа.

Впрочем, «жилищем» это я так образно его обозвал, едва ли он действительно тут проводит времени дольше, чем того требует рабочая смена. Сколько их тут таких, чередующихся сутки или как у них заведено – понятия не имею, но, может, прямо сейчас и выясню.

– Полиция, открывайте, – постучался я в дверь достаточно громко.

– Прочь! Прочь! – доносилось оттуда старческим голосом, – Я вам уже всё сказал, когда приходите.

– Нет, уж, мистер, – подошёл я к стеклу, выговаривая всё достаточно тщательно, – Лично МНЕ вы ещё ничего не сказали. Или хотите, чтобы я вернулся с обыском, перевернув эту хибару вверх дном?

После недолгого молчания послышался скрип, кряхтение, даже не знаю мебели или самого сторожа, затем по полу мерзко прошаркали подошвы его обуви и дверь со скрипом, наконец, отворилась.

Мужчина был и вправду в годах, невысокого роста, такой весь из себя крепкий и коренастый, ещё способный постоять за себя в какой-нибудь барной драке и уж, тем более, быть ночным сторожем на кладбище, охраняя здесь всё от каких-нибудь вандалов. Особенно, если будет вооружён чем-нибудь, а в его инвентаре внутри сторожки, уверен, уж найдётся какое-нибудь ружьё.

Его округлая голова обрамлялась широкими, с ладонь, бакенбардами вниз от плотных ушей, плавно и незаметно перераставших в такую же седую бороду. Выглядело это довольно странно, но не мне судить людские причуды. Маленький нос, напоминающий луковицу, имел на себе следы от очков, которых сейчас на лице не было.

– Детектив Дэррил Лэмбс, – представился я, – У меня к вам есть несколько вопросов.

Он посмотрел на меня, прищуривая свои мелкие пороссячьи глазки, будто бы оценивая, присматриваясь, изучая за это короткое мгновение, а затем лишь слегка покачал головой, не столько с отрицанием, сколько даже с каким-то сожалением.